

Андрей, ты начинал как корреспондент информационного агентства. Что привело на телевидение?

- Когда мне говорили, что телевидение - это наркотик, я не верил. Говорили телевизионщики, которые всегда высоко поглядывали на своих коллег по цеху из газет и агентств. А я около десяти лет работал как раз в АПН, сейчас оно известно под названием «РИА-Новости». Причем шесть из них корреспондентом в Югославии. Первый телевизионный опыт я получил именно там. Когда исчезли мои друзья, Виктор Ногин и Геннадий Куренной. В первые дни сербско-хорватской войны они пропали в зоне боевых действий. Тогда программа «Время» осталась без своих корреспондентов на Балканах. Мне позвонили из Останкино и попросили сделать сюжет. Сначала я отказывался, ведь надо было не только писать текст, но и снимать. Как это делать, мне никто никогда не объяснял. То, что мне рассказывал мой приятель, профессиональный оператор с белградского телевидения, за рюмкой ракии - не в счет. И все-таки я взял обычную бытовую камеру в руки. И поехал снимать в Боснию. Парадокс, но именно этой камерой я первый снял русских добровольцев, кто они и за что воюют в Югославии. Тогда эти кадры наделали много шума и обошли все мировые телевизионные агентства. За этот материал западники предлагали мне большие деньги. Я же отдал его в программу «Время». И получил свой первый телевизионный гонорар как оператор - 70 рублей.

Андрей, можно ли назвать программы «Воскресное время» и «Ночное время», которые ты по очереди ведешь с Петром Марченко, аналитической телевизионной журналистикой Первого канала?

- Пожалуй, что нет. Я бы сказал, что это только подходы к ней. Точнее будет сказать, что перечисленные тобой программы - попытка авторского отношения к новостям, осмысление через призму личного опыта и профессиональных знаний.

Массовое телевидение не может позволить себе новостной аналитики?

- В журналистике этот жанр является довольно «тяжелым», по преимуществу - удел печатных средств массовой информации, еженедельных газет и специализированных журналов. Конечно, иногда случаются и аналитические программы на телевидении. Но для адекватного восприятия подобного продукта очень большое значение имеет не только подготовка ведущего, работа журналистской команды, но и подготовленность самого зрителя. Однако практика показывает, что аналитические передачи в силу своей «тяжеловесности» не слишком популярны. А массовое телевидение есть заложник рейтинга. Поэтому приходится выкручиваться, давать суждения о так называемых «народных темах». Если мы говорим о соотношении мировых валют, то сюжет строится вокруг рекомендательных экспертов, что делать простым зрителям, у которых доллары спрятаны под подушкой.

Телевизионное производство - коллективное дело. Что зависит от ведущего, а что зависит от команды?

- «Воскресное время» и «Ночное время» готовят две команды попеременно. Многие зависит от шеф-редактора. Например, в нашей бригаде это Ольга Иванова, на мой взгляд, самый лучший шеф-редактор российского телевидения. Что касается ведущего, то его роль не менее важна. Скажу только, что допущенные командой ошибки целиком проецируются на человека в кадре. Держа в уме бессмертные слова Фаины Раневской «деньги «проедены» - позор остался», стараешься все тексты, которые идут в прямой эфир, писать самостоятельно. В немаловажной степени успех программы складывается от работы корреспондентов. Обзорные сюжеты может делать далеко не всякий.

Кто может вести аналитические программы?

- Ведущий аналитической программы должен разбираться в тех проблемах, о которых он рассказывает сам или спрашивает экспертов. Дурь, некомпетентность видны сразу. Тем более, в прямом эфире.

Чем так интересен прямой

ЛУЧШЕЕ ТЕЛЕВИДЕНИЕ СМОТРЯТ ЖИТЕЛИ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА

Андрей БАТУРИН, ведущий информационно-аналитических программ Первого канала, не является самым узнаваемым лицом главной телекомпании страны. Но у него есть свой, особый зритель - человек разумный. Не просто потребитель новостей и развлекательной продукции, а думающий, образованный, не склонный принимать все на веру. Для таких людей телевидение тоже кое-что предлагает. Как готовятся информационно-аналитические программы Первого канала, в интервью «РВ» рассказывает Андрей Батурин.

эфир, не от тебя первого слышу о его преимуществах перед записью?

- Да как сказать... Казалось бы, знаешь, что будет в программе, на столе лежит план, но... Я не хочу сказать, что у меня были грубые проколы, однако непредсказуемость бывает, вот она и заводит. Впрочем, большая часть зрителей Первого канала этого не видит, поскольку пока программы идут по четырем «Орбитам», все неудачные моменты отрабатываются после первой «Орбиты». Но, наверное, поэтому зрителям Дальнего Востока, которые первыми видят передачу, достается самое интересное.

Психологически прямой эфир труден?

- Практически за каждым получасовым выпуском - очередные седые волосы, потеря веса, бессонница и сгоревшие нервные клетки. Мы работаем через неделю, но по окончании своей смены два-три дня уходит на восстановление сил.

Кто является зрителем ваших программ?

- «Воскресное время» - это передача для очень широкой аудитории всех возрастов, вне зависимости от уровня образования. А вот у «Ночного времени» сложилась устойчивая группа зрителей. Это продвинутые профессионалы, специалисты с высшим образованием, которых интересуют не только факты, но и комментарии.

Чем различаются эти две программы?

- «Воскресное время» жестко привязано к событиям недели. «Ночное время» может позволить себе выйти, скажем так, на актуальную тему, которая не обязательно присутствует в заголовках дня. Здесь всегда есть выбор, но, конечно, если в течение дня случается некое крупное событие, обойти его в программе становится невозможно.

Тебе известна реакция зрителей на передачи?

- Бывает, что приходят письма с благодарностями, реже случается, что звонят. Скажем, однажды подготовили программу о проблемах инвалидов, где, среди прочих сюжетов, рассказали о предприятии, которое трудоустраивает людей с ограниченными возможностями. После этого наши телефоны буквально раскалились от звонков. Хотя приключаются и курьезы. Одна девушка как-то прислала в редакцию целую повесть, где я был выведен как главный герой, мне понравилось. И есть озлобленные зрители, которых не устраивает все и вся, они пишут гадости.

Ты следишь за работой коллег?

- Сейчас, на мой взгляд, из наиболее «смотрибельных» программ таковой является «Намед-

ни». Однако это нельзя назвать аналитической передачей, да и сам Леонид Парфенов ее так не квалифицирует, называя этот жанр «информировать, развлекать». Хотя с телевизионной точки зрения все делается очень профессионально. Хотелось бы и мне самому научиться так качественно «упаковывать» программу.

Как видится в целом уровень российского телевидения? Западный профессионализм и отечественный - кто работает лучше?

- Я думаю, что российские телевизионные каналы во многом сегодня опережают западные телекомпании. Если бы мы еще обладали и теми ресурсами, которые есть у иностранных коллег, разрыв по качеству был бы гораздо заметнее. Сам свидетель случаев, когда западный репортер, наблюдая за работой российского журналиста, попросту снимал перед ним шляпу. Из-за относительной бедности отечественным телекомпаниям приходится быть более изобретательными, что ли. Скажем, в сравнении с BBC или SNN мы несколько не проигрываем. Они, напротив, стремятся к некоей упрощенности, как текстуальной, так и изобразительной. Кадр выстраивается из трех планов - крупного, среднего и общего. Визуальный ряд российских телеканалов гораздо более вариативен.

Андрей, а как насчет личной популярности? Радует или угнетает?

- Меньше всего волнует известность, при которой узнают на улице. Я придерживаюсь западной теории о разделении работы и личной жизни. Тем более, что ведущие аналитических программ не так популярны, как шоумены. И потому шестнадцатилетние девочки в любви нам не признаются.

Поскольку человек, регулярно «появляющийся в телевизоре», становится как бы членом семьи телезрителя, трудно воспринимать его отвлеченно. Так что без подробностей о твоей личной жизни не обойтись, извини. Начнем с дома. Живешь, наверное, в центре Москвы?

- Не угадал. Дом я построил в Подмоскovie, в Новоселове. Это самая обычная подмосковная деревушка. Идею дома подсмотрел в Сербии, уж очень мне нравится эта страна. Главное, чтобы был большой сад. А у меня на тридцати сотках - тридцатилетние яблоны, сливы, груши и вишни. Свои картошка, огурцы, помидоры, баклажаны. Выращиваем клубнику и крыжовник. Есть куры с петухом. Одно время я пытался разводить кроликов, но с ними вышла трагикомичная история.

Упрыгали в Австралию?

- Да нет, хуже. Мы купили несколько штук кроликов. Но потом с ними что-то приключилось, то ли не выдержали сурового климата, то ли хищники помогли. Чтобы не огорчать тещу, которая возлагала на кроликов определенные надежды, я задумал купить новых, чтобы выдать за предыдущих. Но на рынке подходящей комплекции зверьков не оказалось. В итоге приобрел совсем маленьких, после чего долго оправдывался перед тещей, которая была уверена, что мы кроликов морим голодом. Конечно, потом рассказал всю правду.

Что, кроме дома, тебя еще связывает с Сербией?

- Настоящий сербский самогонный аппарат. Провозили мы его через границу с приключениями. Чтобы не смущать таможенников, в документах самогонный аппарат проходил как миксер для цемента. Зато теперь я сам гоню ракию, которой потом угощаю друзей. В год может выйти до 150 литров. Сырье полностью отечественное, сливы и яблоки из собственного сада. Настоящая ракия должна быть крепостью в 60 градусов, примерно столько у меня и получается.

Раз уж заговорили о друзьях, то позволь спросить, герои твоих программ, приглашенные эксперты и политики, могут оказаться в числе гостей дома, или тебя связывают с ними чисто рабочие отношения?

- Как правило, наш интерес друг к другу заканчивается после того, как прекращается прямой эфир или запись программы. Хотя, наверное, редко, но бывает и обратное. Скажем, одним из постоянных наших экспертов является Александр Александрович Коновалов, директор Института стратегических оценок. Однажды моя супруга попросила у меня мобильный телефон, чтобы позвонить знакомому детскому доктору и проконсультироваться с ним, чем лучше кормить ребенка. Причем, доктора тоже звали Александр Александрович. Жена набрала номер из записной книжки телефона, где стояло соответствующее имя, но вместо врача попала на политолога. Бедный Александр Александрович Коновалов минут десять отвечал на вопросы о кормлении детей, пытаясь вспомнить все, что знал об этом. Когда же недоразумение выяснилось, я спросил его, неужели он не почувствовал неладное. На что Александр Александрович честно ответил, что удивился, но как эксперт не мог показать свою некомпетентность даже в таких вопросах.

**Беседовал
Станислав СТРЕМИДЛОВСКИЙ.
Фото Антонина Бастакова.**